

Леонид Млечин

КИТАЙ – великая держава номер один?

Леонид Млечин

КИТАЙ – великая держава номер один?

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2012

УДК 39+9
ББК 26.89
М72

Млечин Л. М.

М72 Китай — великая держава номер один? — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 400 с.

ISBN 978-5-9775-0822-3

Задача книги — изменить представление читателей о современном Китае, основанное на расхожих домыслах и мифах, показать истинное лицо этой страны и ответить на главный вопрос, интересующий не только наших политиков и финансистов, но и обычных граждан: представляет ли Китай угрозу для России?

Вся правда о Китае — в новой книге известного писателя, историка и телеведущего Леонида Млечина.

Для широкого круга читателей

УДК 39+9
ББК 26.89

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зав. редакцией	<i>Григорий Добин</i>
Редактор	<i>Татьяна Темкина</i>
Компьютерная верстка	<i>Натальи Караваевой</i>
Корректор	<i>Наталья Першакова</i>
Дизайн обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>
Фото	<i>Кирилла Сергеева</i>
Зав. производством	<i>Николай Тверских</i>

Подписано в печать 06.12.11.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.

Тираж 3000 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение на продукцию № 77.99.60.953.Д.005770.05.09 от 26.05.2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	1
Часть первая. Давние счёты	13
Одним ударом меча	14
Изнасилованный город	21
Опыты на людях	30
Часть вторая. Беспокойный сосед	37
Мао и Сталин	38
Русские сражаются в Китае	43
Бои на Хасане	59
Победа на Халхин-Голе	66
Опиумные дела	70
Между Москвой и Вашингтоном	78
Таланты фокусника	103
Часть третья. На что способен Пекин	113
Война на Корейском полуострове	114
Секретный доклад	128
Бомба для председателя Мао	142
«Я, видимо, скоро умру»	154
Хунвэйбины и цзаофани	168
Кровь на снегу	178
Бегство министра обороны	185
Пекин преподносит урок	193
Часть четвертая. После холодной войны	223
«Разрешите называть вас товарищами»	224
Китай сегодня — это СССР вчера?	237
Торговые войны	249
Пекин в мировой политике	260

Часть пятая. Почему начались реформы.....	277
Большой скачок и большой голод.....	277
Красная императрица	282
Реформатор	300
Бабушка Лю, дедушка Дэн и другие.....	326
Партийное поручение	337
Вперед, к Конфуцию!.....	348
Глядя в будущее.....	372

ОТ АВТОРА

Китай — после двух столетий унижений и оскорблений со стороны внешнего мира, вторжения иностранных войск, гражданских войн, революций, голода — на randеву со своей судьбой. Китай желает сам заново оценить свое место в истории. Почти два тысячелетия он был главным государством Азии. Но в XX веке потерял свое первенство. Западные державы и Япония заставили Китай почувствовать себя униженным. Китайцы мечтают вернуть себе прежнее положение в мире. Даже если это не говорится вслух, в глубине души они уверены: XXI век станет китайским веком.

Давным-давно Наполеон пророчески заметил: «Когда Китай проснется, весь мир вздрогнет».

Китай просыпается.

Восьмидесятые годы XX столетия были временем расцвета Японии. Начало девяностых стало звездным часом «азиатских тигров» — новых индустриальных стран Азии. Затем началась эра Китая.

За последние три десятилетия валовой внутренний продукт страны вырос в тридцать раз. И с каждым десятилетием Китай будет играть все более значимую роль в мировой политике и экономике. Китай, как магнит, притягивает к себе капиталовложения. Китай — крупнейший экспортер. Уже пора всем учить китайский язык...

Уже сегодня это государство, с которым все считаются. Наиболее вероятный сценарий развития мира состоит в том, что в ближайшие полвека Китай станет ведущей державой. Но это будет сверхдержава иного типа, чем существовали прежде. Китай — особый случай. Это больше чем государство. Целая цивилизация, оказавшая серьезное влияние на соседние страны. Китай — это невообразимо большое население и заметная диаспора в разных регионах мира.

При этом китайцы очень разные (хотя нам они и кажутся на одно лицо — как и мы им). Различия в языке так велики, что южане и северяне плохо понимают друг друга и часто нуждаются в переводчике. Что же их объединяет? Принадлежность к великой цивилизации, сознание общности исторической судьбы.

Китайцы умеют добиваться успеха. Пятьдесят шесть миллионов китайцев живут в эмиграции — в Азии, Америке, Европе. Китайцы покидали родину, потому что это была бедная страна. На новом месте они начинали с нуля, не имея никакой опоры, не зная чужого языка, но теперь редко где они не достигли богатства.

Мы все еще думаем, что Китай политически инертен, что власть компартии остается неизменной. Конечно, здесь нет развитой демократии западного типа. Но страна свободнее, чем тридцать лет назад. Китайцы это ощущают — они могут выбирать себе работу, слушать музыку, которая им нравится, они зарабатывают деньги и тратят их так, как хотят.

Городская молодежь очень реалистично смотрит на мир. Но молодые преуспевающие бизнесмены и чиновники помнят о том, что под западным костюмом у них в груди бьется китайское сердце. Они покупают иностранные товары, они ведут дела на западный манер, но они гордятся своим культурным наследством и традициями.

В тесной Европе одно государство, набирая мощь, неминуемо сталкивалось с другими. У Китая веками не было соперников и конкурентов.

До начала индустриальной революции Китай был значительно богаче любого европейского государства. Китай больше всех производил и торговал. На протяжении восемнадцати из

двадцати последних столетий Китай производил большую долю валового внутреннего продукта, чем любое западное общество. Еще в 1820 году на долю Китая приходилось больше тридцати процентов мирового ВВП — это больше чем совокупное производство тогдашних Западной Европы, Восточной Европы и Соединенных Штатов!..

Китайцы привыкли считать другие народы варварами. В давние времена китайские власти просто издевались над иностранцами. Китайская элита установила экономические и культурные связи с Европой еще триста лет назад, в XVIII веке, когда китайцы снабжали Европу фарфором, изучали европейскую архитектуру и искусство. Потом, в XIX и XX веках, напротив, наступил период колоссального унижения китайцев. Они были поражены и растоптаны. И не понимали, как при такой великой истории это с ними случилось.

Теперь настроения изменились. Нынешних китайцев не узнать.

Вождь коммунистов Мао Цзэдун пытался создать «нового человека» и добиться тотального равенства в обществе. Но потерпел неудачу. После трех десятилетий революционных экспериментов китайское общество пребывало в состоянии травмы. Главный реформатор страны Дэн Сяопин понял, что надо дать возможность людям вздохнуть. Китайское общество в значительной степени вернулось к традиционным ценностям — конфуцианству и буддизму.

По итогам 2010 года выяснилось, что в коммунистическом Китае уже наличествуют сто восемьдесят девять миллиардеров — это примерно десятая часть общемирового количества супербогатых людей! Высший класс требует себе лучшего — к примеру, автомобилей «мерседес», БМВ, «ауди», а также высокотехнологичные кухни, обувь из крокодиловой кожи. Остальной мир покупает игрушки китайского производства, а богатые китайцы своим детям заказывают игрушки только у немецких производителей. К 2015 году Китай станет крупнейшим рынком предметов роскоши.

Появился средний класс. Новые китайцы ездят за границу и наслаждаются всеми благами современной материальной ци-

визации. Триста тысяч китайских студентов ежегодно отправляются учиться за границу. В московских институтах полно молодых китайцев. Семьдесят тысяч китайских студентов получают образование в американских университетах.

Еще в конце 1970-х Китай стал выпускать студентов за границу. Культурная революция погубила систему образования, лишила китайские институты возможности готовить квалифицированных специалистов. Отправить лучших учиться за рубеж — это был кратчайший путь восстановить интеллектуальный потенциал страны. Что тревожило китайское руководство? Первое: студенты не захотят вернуться. Второе: как интегрировать молодежь с иными ценностями в китайское общество?

Действительно, не все вернулись. Нынешний Китай — кузница кадров для американских аспирантур. Но многие, получив диплом, работают дома. И они придали новое качество интеллектуальной жизни страны.

Сегодня высшее образование получает двадцать один миллион китайцев. К 2013 году Китай может обогнать Соединенные Штаты по количеству научных разработок и открытий. Стремительно растут два показателя, определяющие уровень научных исследований в стране: количество научных работ, оцененных за рубежом, и количество ссылок на них. Это самое очевидное свидетельство подъема китайской науки.

Пока другие государства тщетно пытались взбодрить свою промышленность, экономика Китая росла на десять процентов в год. С такой же скоростью увеличивался военный бюджет страны. Впрочем, военный бюджет нацелен не только на создание нового оружия — бомбардировщиков-невидимок и авианосцев, но и на сохранение лояльности личного состава — военную форму носят два с лишним миллиона человек.

Китайская модель — гибрид квазигосударственного капитализма и полудемократического авторитаризма — привлекает внимание третьего мира. Китай доказывает, что существуют различные модели модернизации, не только западная.

Пекин накачивает политические мускулы и успешно возвращает утраченное в годы поражений и неудач. Вместе с Россией он пытается определять будущее стран Средней Азии. Ведет

дипломатическое наступление в Европе и Латинской Америке. Китай — важнейший игрок в корейских делах.

В полночь 30 июня 1997 года закончилось британское правление в Гонконге. Китай всегда мечтал вернуть себе оторванные от основной территории страны Гонконг, Макао и Тайвань. Это дело национальной чести.

Возвращение Гонконга — нечто большее, чем переход под управление Пекина еще одного участка суши. Пусть даже это крупнейший финансовый центр Азии, куда деньги устремляются со всего мира как пчелы на мед. Для китайцев это событие смыло позор столет иностранного вмешательства в китайские дела.

В 1898 году Великобритания получила Гонконг, то есть остров Сянган и прилегающие территории, в аренду на девяносто девять лет. Аренда закончилась 30 июня 1997 года. 1 июля Китай вернул себе суверенитет над Гонконгом.

Гонконг, в котором при англичанах жило больше шести миллионов человек, это золотое дно. Гонконг был когда-то построен на доходы от продажи опиума и по-прежнему опьянен самим процессом получения прибыли. Иностранцев всегда поражали яркие краски, безудержная, буйная материальность Гонконга. Деньги устремляются сюда бурным потоком со всего мира.

В годы Дэн Сяопина Гонконг сыграл ключевую роль в поддержке экономических реформ в Китае и сам остался не в накладе. Гонконгские компании стали переносить свое производство в Китай, где есть миллионы старательных рабочих, согласных на небольшую зарплату. Большая часть товара, украшенного торговыми марками Гонконга, производилась на территории Китая. Симбиоз оказался взаимно выгодным. Гонконг вложил в Китай шестьдесят три миллиарда долларов. Благодаря тесным связям с Китаем небольшой по территории остров занял восьмое место в мировой торговле. Даже трудно сказать, кто кому был больше нужен: Гонконг Китаю или Китай Гонконгу.

На главной площади Пекина установили огромное электронное табло, которое отмечало, сколько месяцев, недель, дней и часов остается до того момента, когда Гонконг вновь станет частью Китая.

В Великобритании, которая навсегда расставалась с Гонконгом, и вообще на Западе были обеспокоены его будущим. Британцы с печалью говорили о судьбе города, считая, что его жителям не повезло: они сменили либерального хозяина на деспотичного. Всех занимал вопрос, будут ли соблюдаться права и свободы в Гонконге после того, как он перейдет под управление Пекина. Гонконг процветал не только благодаря тому, что это замечательный порт и там низкие налоги. Гонконг процветал еще и потому, что экономика хорошо развивается там, где уважаются гражданские и политические свободы.

Мир был полон пессимистических прогнозов.

Но нельзя не замечать, что китайцы стремительно меняются. Жители Пекина выглядят не хуже китайцев, живущих в Гонконге или на Тайване. Китайцы излучают уверенность в себе, независимость и оптимизм. Если Китай меняется на глазах, должно меняться и наше к нему отношение.

Вечером 30 июня 1997 года в Пекине на площади Тяньаньмэнь собрались сто тысяч приглашенных, чтобы участвовать в официальной церемонии. Она началась в десять вечера и закончилась в пять утра. Три гигантских телеэкрана воздвигли на площади, чтобы пекинцы смогли наблюдать за такой же церемонией в самом Гонконге.

Это была, наверное, самая шумная ночь на земле.

В Гонконге церемония продолжалась два часа — около полуночи спустили британский и подняли китайский флаг и флаг особого административного района Сянган. После чего начался музыкальный вечер с караоке, в котором участвовали два миллиона человек! Его организаторы хотели, чтобы любимые песни исполняли все жители Гонконга — кто на улице, кто выйдя на балкон, кто сидя дома и просто открыв окна. Караоке — это эпидемия, которая охватила Гонконг. Ни одно общественное мероприятие не обходилось без караоке. Даже большие начальники охотно брали в руки микрофон и затягивали популярную песню.

Фейерверки, парад, лазерная иллюминация, концерты, шоу, театральные представления, поющие фонтаны — все было в этот день. Знатные гонконгцы дали серию балов и торжест-

венных обедов. Все, кто что-нибудь значил в этом городе, участвовали в самом значительном событии в их жизни. На официальный банкет пригласили четыре тысячи гостей. Пир на весь мир.

До двенадцати часов 30 июня 1997 года Гонконг находился под управлением Великобритании. В полночь Китай получил право ввести в Гонконг свои войска. Британский армейский корпус переоделся в гражданское и на рассвете на самолетах улетел домой. Закончилась власть последнего британского губернатора Гонконга Криса Пэттена, бывшего депутата парламента и бывшего министра. Он пробыл на этом посту пять лет. Перед ним стояла триединая задача — защитить Гонконг, позаботиться о британских коммерческих интересах и не конфликтовать с Китаем.

Иногда деньги молчат, иногда навязывают свою волю, а иногда кланяются до земли. Великобритания оставила Гонконг процветающим. За последние пять лет, когда судьба Гонконга уже была решена, производство там увеличилось на четверть, экспорт — на две трети и инвестиции — на сорок процентов. Крис Пэттен справился со своей миссией.

С 1 июля главой администрации особого административного района Сянган — так теперь именуется Гонконг — стал владелец судоходной компании Тун Чжихуа. За него проголосовала состоящая из четырехсот выборщиков коллегия. Это человек с очень любопытной биографией. Тун Чжихуа родился в Шанхае, учился в Англии. Когда в Китае коммунисты пришли к власти, семья бежала в Гонконг, но его отец тайно сотрудничал с Пекином. Зато его сестра вышла замуж за сына министра обороны Тайваня.

Гонконг — крупнейший торгово-экономический, финансовый и транспортный центр в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но не это было главным для Пекина. Главное — убедить Тайвань, что и ему следует вернуться под управление Пекина. Ради этого в Гонконге ввели особый режим. Дэн Сяопин придумал универсальную формулу: «Одно государство — два строя».

Что имелось в виду? Условились, что и после объединения континентальный Китай будет строить социализм, а Гонконг — капитализм. Будущим Гонконга в Пекине занималась специ-

альная канцелярия при Госсовете Китайской Народной Республики. Договорились, что новые власти Гонконга уже не будут заниматься дипломатией и военными делами. А во всем остальном особый район получит высокую степень автономии, обещали в Пекине. Сохранили даже прежнюю валюту — гонконгский доллар.

Как же реагировали тайваньские власти?

За неделю до перехода Гонконга под китайское управление Тайвань нарочито провел большие двухдневные военные маневры, на которых присутствовал президент страны. Это был ответ Пекину.

Руководство Китайской Народной Республики использовало присоединение Гонконга как повод для возбуждения националистических чувств у китайцев. Средства массовой информации твердили, что закончилась эпоха национального унижения.

Китайские лидеры часто представляют Китай невинной жертвой западного империализма. Эта версия истории позволяет мобилизовать китайский народ. Национализм обыкновенно используется для того, чтобы отвлечь внимание от внутренних социальных проблем, вызванных стремительной индустриализацией и экономическим ростом. Призывы либеральной общественности провести демократизацию или дать независимость Тибету всегда проще объяснить происками американского ЦРУ...

Возвращение Гонконга имело огромное символическое значение: первый большой успех Китая в мировой политике. Потеря Гонконга была тяжким унижением для Китая. Неспособность противостоять другим державам наложила неизгладимый отпечаток на психическое состояние всех китайцев. Китайцы словно лишились уверенности в своих силах. Возвращение Гонконга означает, что постыдный период слабости закончился. И китайцы больше не позволят, чтобы их унижали. Более важным событием может стать только установление власти пекинского правительства над Тайванем.

Стремительное развитие Китая ставит перед миром вопрос: как строить отношения с восходящей супердержавой? Ставки высоки. Речь идет о новом мировом порядке. Другим странам придется подвинуться, чтобы найти место для нового гиганта.

История услужливо предлагает такую траекторию: сначала государство становится богатым, потом опасным и требует себе «места под солнцем», как выразился когда-то германский рейхсканцлер Бернхард фон Бюлов.

Успех Китая потрясает и даже немного пугает. Особенно масштабами экономики и численностью вооруженных сил. Не ждет ли нас эпоха конфликтов, если Китай попытается взять власть над миром? Некоторые авторы утверждают, что для начала китайские лидеры намерены доминировать над всей Азией. И полагают, что это стремление неминуемо приведет Китай к прямому столкновению с американскими интересами.

С этой трактовкой спорят те, кто говорят, что Китай по мере экономического развития откроется, станет более свободным и демократичным, предсказуемым и стабильным. Быстрый экономический рост и демократизация превратят Китай в привлекательного партнера Соединенных Штатов и других западных стран.

История редко течет по заранее предсказанным руслам. Это своенравная река. В конце XIX века германоязычная центральная Европа казалась центром мира. В немецких университетах учились такие гении, как Альберт Эйнштейн, Вернер Гейзенберг и Эрвин Шрёдингер, чьи открытия в сфере ядерных реакций и квантовой механики изменили мир. Затем разразилась Первая мировая война, в России к власти пришли коммунисты, в Германии — фашисты, и умы убежали через океан в Америку. Центр научного прогресса переместился из Европы в Америку. Некие признаки грядущей Европе катастрофы можно было, конечно, различить и в начале XX века. Но мало кому это удалось.

В Китае есть один уникальный музей. Он построен не в честь великой победы или грандиозных успехов в строительстве. Он посвящен не древней культуре и не современной живописи. Это музей, посвященный поражению, военной катастрофе, которая повлекла за собой тяжкие страдания всего Китая. Я поехал в провинцию Шаньдун, чтобы увидеть этот музей и понять, почему китайцы не хотят забывать свои поражения, беды и катастрофы.

Музей на небольшом острове создан стараниями одного единственного энтузиаста. Образование у него заочное, по-

настоящему поучиться ему не удалось. Когда он окончил школу и собирался поступить в институт, началась культурная революция и учебные заведения закрылись. Экспонаты для своего музея он годами собирал по всему Китаю, искал потомков тех, кто участвовал в исторических событиях. Кое-что подняли со дна моря. И все-таки он создал музей, посмотреть который приезжают люди со всего Китая. Заинтересовалось даже самое высокое начальство. Иероглифы названия музея написаны самим генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином, который тоже здесь побывал.

Это музей японо-китайской войны 1894—1895 годов. Собственно говоря, это даже больше чем музей — огромный комплекс на острове, где когда-то находился штаб адмирала, возглавлявшего китайский флот при Цинской династии.

Тогда китайский флот был четвертым в мире и первым в Азии. Но стремительно вооружавшаяся японская империя скоро обогнала Китай в военном строительстве. Китай и Корея оказались первыми жертвами японского милитаризма.

Огромный памятник участникам той незначительной войны воздвигнут на берегу моря. Памятник напоминает фигуру реального человека — китайского полководца Дин Жучана, героя войны, который возглавил оборону. Видя, что терпит поражение, он предпочел покончить с собой.

Ту давнюю войну китайцы проиграли. Так зачем же музей? О чем говорят все эти экспонаты — картины, восковые фигуры, видеопанорамы, где зрителям устраивают целое представление?

Островной музей напоминает о том, что, во-первых, всегда надо быть готовым к войне, что, во-вторых, мужество терпящих поражение тоже заслуживает высочайшего уважения и что, в-третьих, проиграв, надо извлекать уроки из поражения.

Попытки построить коммунизм при Мао Цзэдуне закончились катастрофой. Огромная страна не могла себя прокормить и производила жалкое впечатление. Во время культурной революции мир ужасался Китаю, а после — издевался над ним. Казалось, страна безнадежно отстала от стремительно развивающегося мира.

Дэн Сяопин извлек уроки из поражения.

Китай берет реванш за унижения прошедших десятилетий. Угрожает силой покончить с сепаратистами на острове Тайвань, ведет территориальные споры с соседями в Южно-Китайском море. Китай требует себе места за столом великих держав. Так, в конце XIX века действовали Германия, Япония и Соединенные Штаты. Эти три державы опередили остальные страны в производстве стали и энергии, что позволило им в большом количестве производить пушки, бомбы и боевые корабли.

Следующий шаг — экспансия и развязывание войны. Американцы оторвали от Испании Кубу и Филиппины в 1898 году. Японцы в начале XX века напали на Россию и Китай, а в 1941 году — и на Соединенные Штаты. Немцы пытались завоевать мир.

Последует ли Китай их примеру? Сбудутся ли мрачные пророчества? Произойдет ли превращение Китая в великую державу мирно? Или же, как Германия — дважды! в XX веке и Япония в 1930-х годах, Китай начнет мировую войну?

Невероятно трудно со стороны понять устремления Китая. Китайцы не уверены, что разум западного человека способен постичь сложность любой ситуации. Здесь — загадочное для европейца лицо Дальнего Востока, лицо, лишенное в своей застывшей непроницаемости всяких признаков «зеркала души». Показать, что творится в твоей душе, — значит нарушить всякие приличия, «потерять лицо». «Дерево дорожит своей корой, человек — своим лицом», — говорят китайцы.

Переговоры с китайцами напоминают тщательно отрепетированную пьесу, в которой нет ничего случайного и в то же время все выглядит экспромтом. Китайцы помнят каждое ваше слово. В свою очередь каждое замечание, сделанное китайцами, является как бы частью мозаики, общей картины. У европейцев создается впечатление, будто они ведут бесконечный разговор с неким единым организмом, который все помнит и, кажется, обладает неким единым, интегральным интеллектом. Это порождает трепет и бессилие перед подобной самодисциплиной и преданностью своему делу. Миллиардный Китай вообще многим внушает благоговейный страх.

Другая древняя китайская традиция — никогда не показывать своей заинтересованности в сотрудничестве с иностранцами.

Те предложения, с которыми китайцы соглашаются, выполняются с поистине волшебной эффективностью. Другие идеи просто растворяются в непробиваемых облаках приторно вежливых фраз.

Чтобы заглянуть в завтрашний день Китая и попытаться предсказать его будущее, необходимо понять, как прошлое определяет траекторию его исторического развития. Мы рассмотрим историю долгой войны с Японией, которая принесла неисчислимые страдания китайскому народу и едва не разрушила Китай как государство, перипетии трудно складывавшихся взаимоотношений России и Китая и сложную траекторию постепенного сближения Пекина и Вашингтона.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДАВНИЕ СЧЕТЫ

Китайцы не зря называют свою страну Срединной империей — центром мира. В их восприятии все остальные страны крутятся вокруг Китая. Характерно, что в Китае не появилось религии, сравнимой с иудаизмом, христианством и исламом. Китайцам не требовалась идея об их божественном или космическом происхождении. Они знают: мир создан ими.

Китай — единственная крупная цивилизация, которая мало что почерпнула извне. Значительно чаще внешний мир заимствовал китайские идеи и изобретения. В пору национального гнета, унижений и позора китайцы затаились. В Китае считается глупым быть самим собой — следует быть таким, каким требуют обстоятельства.

Но они все помнят и ничего не забывают.

С древних времен Срединная империя была ведущей политической и культурной силой в Восточной Азии. Китай оказал глубокое влияние на развитие корейской, японской, вьетнамской культур. Властители этих стран посылали дары китайскому императору в надежде поддержать хорошие отношения с великим государством. И только в XIX веке западный империализм, а затем японский милитаризм покончили с китайским лидирующим положением в регионе.

ОДНИМ УДАРОМ МЕЧА

Высшим шиком в офицерском корпусе японской императорской армии считалось умение обезглавить человека одним ударом меча. Приговоренного к смерти ставили на колени, руки связывали за спиной. Появлялось полковое начальство, командиры батальонов, все занимали отведенные им места. По давней традиции офицер, демонстрирующий свое искусство, подходил к приговоренному сзади — из страха, что душа жертвы, отделяясь от тела, может схватить убийцу.

Широко расставив ноги, он поднимал меч и с выдохом одним ударом отсекал голову, которая отлетала чуть не на метр, кровь фонтанами била из бездыханного тела. Офицер отходил в сторону, чтобы вместе со зрителями полюбоваться своей работой.

В 1937 году подразделения японских оккупационных войск на территории Китая устроили нечто вроде соревнования: кто убьет больше китайцев. Унтер-офицеры и рядовые разбивались на пары: один орудовал мечом, другой считал отрубленные головы и отбрасывал их в сторону. Холм из отсеченных голов быстро рос. Старший офицер напоминает: «Отсек — посчитай! Не забывайте считать!»

Китайцев было много больше, чем японцев, которые их убивали. Но они не посмели восстать и броситься на своих мучителей. Они покорно ждали, когда придет их очередь умереть. Это происходило в 1937 году в городе Нанкине, который был древнейшим культурным центром и в ту пору еще и столицей Китайской республики.

Сейчас эта история кажется совершенно невероятной. Тем более что японское командование сразу после капитуляции в августе 1945 года постаралось уничтожить следы своего преступления.

Главкомандующий союзными войсками на Тихом океане американский генерал Дуглас Макартур не сразу рискнул прийти в поверженную Японию. Американское командование, памятуя о бешеном сопротивлении японских гарнизонов на Сайпане, Иводзиме и Окинаве, о самоубийственных атаках японских летчиков и моряков, опасалось кровопролитной партизанской войны.

Дуглас Макартур предполагал, что американским солдатам в Японии будут стрелять в спину, что фанатики станут отравлять колодцы и ставить мины на дорогах. Ничего подобного не произошло. Страна покорилась судьбе и смирилась с оккупацией. Такова была воля императора.

Личный самолет Макартура приземлился на аэродроме Ацуги в полдень 30 августа. В иллюминаторы было видно, что деловые и правительственные кварталы Токио охвачены пожарами, которые никто не тушит. В крупных фирмах, учреждениях, армейских штабах жгли документы. Пожары продолжались много дней. Высшие офицеры и чиновники уничтожали бумаги, казавшиеся им опасными.

Среди них были документы, относившиеся к трагедии города Нанкина. Взятие города вошло в историю как «изнасилование Нанкина». Так это и происходило — в прямом и переносном смысле. Такого массового изнасилования женщин мировая история еще не знала.

Японский генерал Иванэ Мацуи, командовавший экспедиционным корпусом в Китае, говорил: «Борьба между Китаем и Японией — это схватка между братьями внутри азиатского семейства. Мы делаем это не потому, что ненавидим китайцев, а потому что слишком их любим. Это как в семье, где старший брат делает все, что в его силах, чтобы заставить младшего брата вести себя достойно».

Старшим братом по праву должен бы считаться Китай, куда более древнее государство. Япония многое позаимствовала у китайцев — от иероглифики до чайной церемонии. Но на поле боя китайцы не устояли перед японцами. Китайцы были растоптаны и раздавлены и не понимали, как при такой великой истории и культуре это с ними случилось.

Первая японо-китайская война разразилась осенью 1894 года. Японцам понадобилось всего полтора месяца, чтобы одержать победу. Китайское правительство вынуждено было подписать унижительный договор, выплатить японцам большую контрибуцию и пойти на территориальные уступки. К 1904 году Япония удвоила свою армию и сама производила все потребное ей оружие. Это позволило ей взять верх над русской армией в Маньчжурии.

Первая мировая война оказалась крайне выгодной для Японии, оставшейся в стороне: воюющие державы покупали японскую сталь и текстиль. Страна богатели. Зато окончание войны привело к тяжелому экономическому кризису. Упал спрос на японские товары. Заводы, работавшие на войну, закрылись. Западные компании охотнее инвестировали деньги в Китай, а китайцы в свою очередь бойкотировали японские товары. Японцы решили, что это заговор, что против них объединился весь мир.

Население Японии всего за полвека увеличилось вдвое. Примитивное сельское хозяйство не могло прокормить страну. Идея территориальных приобретений становилась в Токио все популярнее. Китай оказался очевидной целью — огромная и плохо управляемая территория.

18 сентября 1931 года японцы устроили взрыв на железной дороге, обвинив в этом китайцев. Это стало формальным поводом для захвата Маньчжурии, которая была в 1932 году превращена в марионеточное государство Маньчжоу-го.

На трон японцы посадили юного Пу И, последнего императора из маньчжурской династии. Оккупация севера страны обострила национальные чувства. В 1932 году в Шанхае толпа напала на пятерых японских буддистских священников, одного убили. В ответ японская армия обстреляла Шанхай, погибли тысячи мирных жителей.

7 июля 1937 года японцы развязали полномасштабную войну с Китаем. Опять началось с провокации. Во время ночных маневров рядом с мостом Марко Поло в темноте прозвучало несколько выстрелов с китайской стороны, и один японский солдат пропал. Японский командир потребовал, чтобы его войскам разрешили поискать пропавшего бойца на китайской территории. Последовал отказ, тогда заговорила японская артиллерия. В августе японцы захватили Шанхай.

В конце ноября японские войска начали наступление на Нанкин. Город превратился в ловушку для оборонявших его солдат. Двухсоттысячной наступающей армии японцев противостояло больше семисот тысяч китайских солдат и офицеров. Оружия и боеприпасов китайским войскам хватило бы на пять меся-

цев осады. Историки недоумевают и по сей день: почему при таком большом гарнизоне город сдался всего через несколько дней, вечером 12 декабря 1937 года?

Первоначально армия намеревалась оборонять город. Гарнизон был усилен. Солдаты рыли траншеи, прокладывали линии связи, пытались укрепить городскую стену, оборудовали пулеметные гнезда. Ворота были забаррикадированы, пропускали только военный транспорт.

Но знающие люди предчувствовали, что город будет сдан, и спешили покинуть Нанкин. 2 декабря сокровища дворцового музея — практически все культурное наследие Китая — были упакованы и погружены на судно. Через шесть дней глава государства Чан Кайши, его жена и советники покинули город на самолете. Сомнений не оставалось — Нанкин сдадут.

Японцы обладали абсолютным превосходством в воздухе. Во время боев за Шанхай соотношение было один к десяти в пользу японцев. Нанкин вообще остался без авиации, последние самолеты улетели вместе с Чан Кайши. Бежавшее правительство прихватило с собой и современные средства связи, поэтому китайские войска не могли наладить связь между собой.

В Нанкине были собраны части, сформированные в разных провинциях Китая, где говорят на разных диалектах, и они элементарно не понимали друг друга. Большинство солдат были мобилизованы в армию насильно и не горели желанием сражаться. Боевая слаженность отсутствовала. Японцам было легко бить многочисленную китайскую армию по частям.

Удивительным образом горожане даже радовались, что китайские войска уходят без сопротивления. Они рассчитывали, что японцы будут лучше управлять городом, чем китайские начальники, которые так легко бросили их на произвол судьбы. Разве могли они предположить, что многие из них будут убиты японцами просто ради развлечения?

Иностранцы, которые жили в городе, пытались избавить город от кровопролития. Они предложили обеим сторонам такой план: на три дня боевые действия прекращаются, китайские войска беспрепятственно покидают город и японские войска входят в Нанкин без боя. 10 декабря в полдень двое японских

офицеров подошли к городским воротам, рассчитывая, что им навстречу выйдут парламентарии. Но Чан Кайши запретил своим генералам договариваться с японцами. Японское командование приказало начать обстрел города.

А Чан Кайши тем временем передумал. Прислал командующему обороной города телеграмму: «Если Вы не в состоянии удержать город, можете использовать ситуацию и отойти, чтобы сохранить и переформировать войска для будущей контратаки».

12 декабря в три часа утра, когда еще не рассвело, командующий обороной города устроил военный совет в своем доме. Он сказал, что фронт развалился, удержать городские ворота невозможно и Чан Кайши приказывает отступить. Ни один из генералов не предложил сражаться до последнего. Организованный отход превратился в бегство. Солдаты бросали оружие, переодевались в гражданскую одежду, пытались убежать. Но бежать было некуда. Переплыть Янцзы никто не мог. Сотни тысяч китайских солдат оказались в руках японцев.

Говорят, если бы Чан Кайши сразу вывел войска из Нанкина, такой резни бы не было. Сомнительное предположение. Изнасилование Нанкина вовсе не было мстью за ожесточенное сопротивление гарнизона. Японские войска устраивали такие же жестокие акции в других городках и деревнях, которые они занимали. Скорее китайцев могло спасти мужественное сопротивление.

Если бы Чан Кайши не приказал в последнюю минуту отступить и китайские солдаты сражались бы за город, жертв среди гражданского населения, скорее всего, было бы меньше. Конечно, японская армия, лучше вооруженная и обученная, в конце концов одолела бы обороняющихся. Но долгая и упорная борьба, во-первых, обескровила бы японскую армию, во-вторых, сбила бы с нее спесь. Японцы побоялись бы вести себя так нагло с китайцами, опасаясь мести... А вот с теми, кто сдался практически без сопротивления, они не церемонились.

Японские военные воспитывались в совершенно иной культуре, где пилотам вместо парашюта вручали меч, потому что самоубийство предпочтительнее капитуляции. Сдавшихся в плен китайцев было гораздо больше, чем японских солдат. Японцы

с презрением смотрели на китайцев, испуганных и неспособных к сопротивлению.

Японские солдаты в отличие от китайских твердо верили в победу, в превосходство своего оружия и своей стратегии. «Победа в бою достигается не численным превосходством и не материальным преимуществом, а хорошей подготовкой, волей к победе и боевым наступательным духом», — говорилось в уставе императорской армии. Более всего ценили упорство, выносливость, умение стойко переносить лишения. Эти качества воспитывали с детства. В японских школах учителя муштровали учеников, как новобранцев. Выработывали в них волю к победе, умение преодолевать свои слабости. Зимой заставляли стоять босиком на снегу, летом — бегать до изнеможения.

Во Вторую мировую японцы сражались до последнего. У американцев и англичан один сдавшийся приходился на трех убитых, у японцев — на сто двадцать. Японский солдат, попавший в плен, считался трусом и подлежал впоследствии суду военного трибунала.

Судьба Нанкина решилась, когда генерала Иванэ Мацуи свалил приступ его давней болезни — туберкулеза. Генерал Мацуи отдал приказ по войскам, в котором говорилось, что вступление императорской армии в столицу чужого государства — историческое событие и следует вести себя достойно, соблюдать порядок и уважать местное население. Но заболевший генерал вынужден был передать командование члену императорской семьи — принцу Ясухико Асаке.

5 декабря принц вылетел из Токио на самолете и прибыл на фронт через три дня. Ему доложили, что в городе скопилось около трехсот тысяч китайских солдат и они готовы капитулировать. И тогда принц распорядился: «Всех пленных убить». 13 декабря все части японской армии до батальона включительно получили приказ командования: «Все военнопленные должны быть казнены. Метод казни: разделить пленных на группы по двенадцать человек. Каждую группу расстреливать отдельно».

За этим приказом стояла безжалостная логика. Расстрел избавлял японское командование от необходимости кормить пленных. Кроме того, рассудили японцы, расстрелянные плен-

ные уже не уйдут в партизаны и не вернутся в строй китайской армии.

Китайские войска в Нанкине практически не сопротивлялись. Они сдавались, надеясь на гуманное обращение. Во время осады города самолеты разбрасывали листовки, на которых улыбающийся японский солдат держал на руках китайского мальчика и было написано: «Все добрые китайцы, которые вернутся в свои дома, будут накормлены и одеты. Япония желает быть хорошим соседом тем китайцам, которые не позволят себя одурачить таким монстром, как Чан Кайши».

Но это была всего лишь пропаганда. С точки зрения японцев, пленные китайские солдаты не заслуживали милосердия: они опозорили себя — проиграли войну, но остались живы. «Солдат не сдается в плен, — не скрывая своего отвращения, говорили японские офицеры. — Если солдата побеждают, он должен уйти из жизни. Но никто из вас не сохранил ни капли мужества, чтобы поступить так. У нас нет средств кормить вас. Мы предполагали, что имеем дело с достойным противником. Если мы начнем вас кормить, то лишим горсти риса японского ребенка, который имеет на нее больше прав, чем вы».

Расстрелы пленных начались вечером 17 декабря. Китайским солдатам обещали, что их переправят на другую сторону реки Янцзы. Они покорно шли. Только возле реки, увидев, что нет никаких средств для переправы, они начали беспокоиться. Но тут японцы уже открыли огонь. Когда военнопленные превратились в гору неподвижных тел и больше не раздавалось ни криков, ни стонов, японские солдаты стали методично протыкать каждое тело штыком. Это затянулось до рассвета.

В то же время японские солдаты обходили дом за домом, проверяя, не прячутся ли там китайские солдаты. Не раздумывая, они убивали всех молодых мужчин, не вникая, военный перед ними или штатский. Они стреляли в стариков и женщин, если те слишком медленно исполняли приказы. Трупы валялись повсюду, воды Янцзы покраснели от крови.

Японцы потребовали все двери в городе держать открытыми. Если владельцы магазинов пытались закрыться, в них стреляли, а товар растаскивали. Разграбили банки, вскрыли личные сей-

фы и все забрали. Командование разрешило солдатам отправлять домой небольшие посылки, так что был стимул грабить. Тащили все — авторучки, фонарики, часы.

Каждый командир исполнял приказ на свой манер. Японский военный корреспондент Юкио Омата видел, как пленных выстроили вдоль реки: «Стоявшим в первом ряду отрубили голову. Стоявшим во втором ряду приказали оттащить мертвые тела и бросить их в реку. Потом им самим отрубили голову... И так казнь продолжалась весь день, до поздней ночи. За день убили две тысячи пленных. На следующий день, устав орудовать мечами, пустили в ход пулеметы. Поставили два пулемета с флангов и открыли огонь. Пленные прыгали в воду, надеясь спастись, но никому не удалось доплыть до другого берега».

ИЗНАСИЛОВАННЫЙ ГОРОД

Вслед за военнопленными неминуемо настала очередь женщин.

«Женщинам досталось больше всех, — вспоминал бывший солдат 14-й японской дивизии. — Ни молодые, ни старые — никто не мог избежать изнасилования. Мы отправляли грузовики в город и хватали столько женщин, сколько влезало в кузов. Но на всех женщин не хватало. Распределяли так: одну женщину на пятнадцать-двадцать солдат».

Естественно, был отдан приказ, запрещающий насилие над женщинами. Но в японской военной культуре укоренилось представление о том, что победитель имеет право на женщин, принадлежавших побежденным. А многие вчерашние крестьяне охотились на девочек, веря, что половой акт с девственницей придаст им сил в бою и даже спасет от ран.

«Потом мы и женщин тоже убивали, — вспоминал один из солдат. — Они пытались убежать, когда все заканчивалось. Мы стреляли им в спину. Проблем не было. Когда мы их насиловали, то воспринимали как женщин. А когда стреляли в них, то воспринимали скорее как свиней».

Офицеры ничем не отличались от солдат. Командир 6-й дивизии Хисао Тани сам был обвинен в изнасиловании двадцати жен-

щин в Нанкине. Единственное, что интересовало офицеров, это чтобы не оставалось следов. Сделали дело — и концы в воду.

Один из офицеров приказал своим подчиненным: «Когда все закончите, то или заплатите им, или убейте их где-нибудь — подальше от расположения нашей части».

Японские солдаты насильствовали всех женщин, которые попались им в руки. Молодые женщины не знали, что делать — прятаться дома, надеясь, что их не найдут, или бежать в зону безопасности, созданную иностранцами? Если они оставались дома, то рисковали быть изнасилованными на глазах собственной семьи. Если они пытались убежать, то могли стать жертвой группового изнасилования на улице.

Одна из самых страшных сцен, которую видел один иностранец, — массовое изнасилование женщин прямо на улице.

«Взвод японских солдат выстроил в ряд группу девушек, — вспоминал Роберт Уилсон, единственный иностранный врач, оставшийся в городе. — На вид им было не больше восемнадцати лет. Японцы насильствовали их одну за другой, прямо в уличной грязи. Несколько девушек так и остались лежать, залитые кровью, на грязной земле».

Убийства и изнасилования шли по всему городу, когда генерал Иванэ Мацуи, все еще больной, въехал в Нанкин для участия в параде. Он позавтракал, проехал на машине по городу, потом пересел на коня, повернулся в сторону императорского дворца в Токио и трижды прокричал: «Десять тысяч лет императору!»

Во время поездки по городу генералу стало ясно, что происходит нечто позорное. Он приказал вывести из города ненужные войска. На совещании сделал выговор своим подчиненным. Офицеры выслушали выговор с изумлением, тем более что среди них был член императорской семьи.

В 1948 году, перед тем как его повесили по приговору международного военного трибунала, генерал Мацуи сказал буддийскому священнику, которого привели к нему в камеру: «Я собрал тогда всех высших офицеров. У меня на глазах были слезы гнева. Присутствовал и принц Асака. Я сказал им, что из-за жестокости солдат все потеряно. И представьте себе, даже после таких слов они буквально смеялись надо мной...»

Японское командование не собиралось наказывать насильников, считая, что женщины на оккупированных территориях для того и существуют, чтобы улаживать солдат. Родилась идея создать систему публичных домов для личного состава императорской армии. Принудительно мобилизовали десятки тысяч женщин — в основном кореянок, а также китайянок и филиппинок. Японское командование хотело иметь действенный инструмент поощрения личного состава за боевые успехи.

Первый военный публичный дом открылся рядом с Нанкином в 1938 году. С женщинами там обращались омерзительно. Многие из них совершали самоубийство не в силах вынести постоянные издевательства. Конфуцианство ценит женское целомудрие больше, чем жизнь. Считается, что женщина, потерявшая честь, должна покончить с собой. Иностранные дипломаты рассказывали, что после изнасилования Нанкина бесчисленное количество китайянок бросились в воды Янцзы. А те, кто остался жить, никогда никому не рассказывали о своем трагическом опыте. Прошло полвека, прежде чем оставшиеся в живых женщины решились нарушить обет молчания и потребовать компенсации от японского правительства.

Ни одна китайянка в Нанкине не нашла в себе силы признать, что родила ребенка в результате изнасилования. Говорят, что многих таких детей тайно убили сразу после рождения. Младенцев, чьими отцами были японские солдаты, душили или топили, как котят. Можно представить себе чувства, испытанные изнасилованными китайянками: вина, стыд, боль... Они стояли перед невыносимым выбором — убить нежеланного ребенка или вырастить.

Казалось, нет границ жестокой изобретательности японских солдат. Мало было изнасиловать и убить — они еще и издевались над трупами несчастных женщин. Пострадали и некоторые китайские мужчины, попав в руки японцев-гомосексуалистов. У некоторых японцев была буйная фантазия. Они пытались заставить одного китайца совершить интимный акт с мертвой женщиной — японские солдаты, пресыщенные другими удовольствиями, хотели немного развлечься.

Некоторые японские офицеры, уже не зная, чем себя порадовать, загоняли китайцев на крышу здания, поджигали дом и наблюдали за тем, как люди медленно поджариваются. Тех, кто пытался спастись и прыгал вниз, пристреливали...

Все послевоенные десятилетия историки и психологи пытаются понять менталитет японского солдата. Как трудно совместить изысканную вежливость и любезные манеры японцев с варварским поведением солдат императорской армии в Нанкине. Почему они себя так вели? Может быть, все дело в самурайских традициях? Самурай имел право отрезать голову простолюдину, если тот ответил невежливо. Сказалось также влияние военной пропаганды и школьное воспитание. Юные японцы должны были осознать, какое это великое счастье — принадлежать к японской нации. Одновременно воспитывали высокомерие в отношении других народов. На уроках истории преподаватели вывешивали батальные полотна и объясняли: «На этой картине изображены наши brave солдаты, которые под командованием преданных императору офицеров ворвались в китайские окопы. Посмотрите, какие глупые лица у китайцев, как они боятся японского солдата. Китаезы похожи на свиней, которых собираются заколоть, чтобы в праздники поесть свежего мяса. На заднем плане видна гора трупов. Это китайцы, убитые нашими смелыми солдатами».

Новобранцам, которые прошли такую школу, молодой лейтенант говорил: «Вы еще никого не убивали, так что вам нужно попрактиковаться. Китаец — это не человек, это существо менее ценное, чем собака или кошка. Кто хочет попробовать себя, шаг вперед!»

Никто из новичков не двинулся с места.

«Трусые! — закричал лейтенант. — Никто из вас не имеет права именоваться солдатом императорской армии».

Он стал вызывать солдат по одному.

«Когда прозвучала моя фамилия, — вспоминал один из них, — трясущимися руками я поднял винтовку с примкнутым штыком и медленно двинулся на китайца, стоявшего у ямы, которую он же сам и выкопал. Мысленно попросив прощения,

с закрытыми глазами воткнул штык в китайца. Когда я открыл глаза, он уже упал в яму».

Через три месяца на фронте любой призывник превращался в демона, который легко убивал человека. Практически никто из них не испытывал сожаления и не считал себя преступником.

«Офицер показал, как одним ударом обезглавить человека, — рассказывал после войны бывший солдат. — Он предложил мне забрать отрезанную голову и отвезти домой как сувенир. Помню свою гордую улыбку, когда я взял из его рук меч и сам приступил к убийству людей».

Сколько людей погибло в Нанкине?

Китайские специалисты считают, что было убито четыреста тридцать тысяч человек. На международном военном трибунале в Токио после войны называлась цифра в двести шестьдесят тысяч. Японские историки говорят о тридцати-сорока тысячах.

Многих горожан спасли иностранцы, которые по традиции пользовались особыми привилегиями. Скажем, в ноябре 1937 года один французский священник объявил японским властям, что в Шанхае образована нейтральная зона, и указал ее границы. Японцы признали эту зону, и там укрылось четыреста пятьдесят тысяч китайцев.

Дипломаты заблаговременно покинули Нанкин, предоставив оставшихся в городе иностранцев их судьбе. Дипломаты отплыли на американском корабле, который 12 декабря подвергся атаке с воздуха. Японские самолеты потопили корабль, несколько человек погибли. Японские власти уверяли, что произошла ошибка — летчики в тумане не опознали американский корабль. Но в тот день тумана не было. Японская авиация получила приказ потопить американский корабль. Скорее всего, это была попытка проверить, какой будет реакция американцев. 13 декабря президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт сказал, что он «потрясен», и потребовал компенсации от императора Хирохито.

Поразительным образом два десятка иностранцев, оставшихся в Нанкине, сумели спасти множество людей. Это были миссионеры, врачи и торговцы. Они воспользовались тем, что японские войска сохраняли некий пиетет к иностранцам. Неле-